

А.Н. Ямсков*

**Количественные индикаторы
социально-демографического благополучия сельского населения****

На протяжении последних 10-15 лет в России идёт разработка методов этнологической¹ или, точнее, социально-этнологической экспертизы², которая призвана стать отечественным аналогом достаточно широко распространён-

С. 93

ной за рубежом «оценки воздействия на социальную среду» (social impact assessment)³. Одной из приоритетных задач подобной экспертизы является оценка сложившегося и прогноз вероятного будущего социально-экономического положения местного сообщества, в том числе каждой из составляющих его этнических или социо-культурных групп населения в регионах с полиэтничным либо неоднородным в социально-культурном отношении составом жителей. В сущности, это одновременно означает и оценку принимавшихся ранее либо пла-

* Ямсков Анатолий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований Института этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН): Yamskov@iea.ras.ru Одна из сфер исследований – методы социально-этнологической экспертизы.

** Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 07-06-00138-а «Новые социально-демографические индикаторы адаптации сельского населения в постсоветских условиях . . .».

¹ Понятие «этнологическая экспертиза» закреплено статьями 1.6 и 8.6 закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», принятого в 1999 г. – см.: Комментарий к Федеральному Закону о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации. Ред. Б.С. Крылов. – М., 1999, с. 16, 97. В настоящее время достаточно развёрнутая трактовка сути и задач этнологической экспертизе вошла в качестве раздела в подготовленный проект Федерального Закона «О защите исконной среды обитания, традиционного образа жизни и традиционного природопользования коренных малочисленных народов Российской Федерации», прошедшего первые слушания в Государственной Думе РФ – см.: *Сирина А.А., Жуковская Н.Л., Инешин Е.М., Рагулина М.В., Тяхтенева С.П.* Газ на экспорт: этнокультурные проблемы транспортировки газа // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М.: ИЭА РАН, 2008. – Вып. 205. С. 20.

² Об её этноэкологической составляющей и об общих взглядах автора в данной области см.: *Ямсков А.Н.* Этноэкологические экспертизы в международных организациях // *Этнология обществу. Прикладные исследования в этнологии.* Отв. ред. С.В. Чешко. – М.: ИЭА РАН, 2006. С. 10-62.

³ См. об этом подробнее: *Ямсков А.Н.* Политика Всемирного Банка по отношению к коренным народам // *Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии.* Ред.: Новикова Н.И., Тишков В.А. – М.: Стратегия, 2002. С. 261-283.

нируемых управленческих решений органов власти либо экономических агентов (компаний, министерств и т.п.). С научно-теоретической и практической точек зрения на первый план при этом автоматически выходит остро дискуссионный вопрос о выборе адекватных критериев такого рода оценок, то есть количественных показателей, по которым можно обоснованно судить о том, «хорошо» или «плохо» живут люди и в каком направлении меняются условия их жизни – в сторону улучшения либо ухудшения.

Опираясь на обретённый в начале – середине 2000-х гг. опыт экспедиционных исследований социально-демографических последствий радикальных постсоветских изменений условий жизни и экономического положения у сельских абхазов⁴ (абхазо-грузинская война 1992-1993 гг., «взрывная» урбанизация абхазов в середине-конце 1990-х гг., экономическая блокада Абхазии до начала 2000-х гг.) и сельских гагаузов⁵ (массовое развитие с середины-конца 1990-х гг. в Молдавии, в том числе в Гагаузии, временных трудовых миграций за рубеж), мне удалось предложить несколько новых количественных показателей⁶ благополучия населения, применимых на уровне отдельных сельских поселений. Однако в указанных выше кратких публикациях были представлены лишь научные обоснования этих показателей и приведены конкретные примеры их расчёта по некоторым абхазским или гагаузским селениям.

Целью данной работы является обсуждение практических возможностей применения этих *новых количественных показателей*, в том числе не только на уровне сельских населённых пунктов, а также их сопоставление с другими демографическими и медико-демографическими показателями, имеющими ныне более или менее широкое распространение.

Оценка положения сельского населения с использованием количественных критериев

⁴ Ямсков А.Н. Экономическое положение и социально-демографические особенности сельских абхазов // Этническая экология: народы и их культуры. Ред.: Н.А.Дубова, Л.Т. Соловьёва. – М.: ИЭА РАН, 2008. С. 122-163; Григулевич Н.И., Дубова Н.А., Соловьёва Л.Т., Ямсков А.Н. Глава X. Постсоветские изменения в образе жизни и бытовой культуре абхазов // Абхазы. Отв. ред.: Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. – М.: Наука, 2007. С. 476-526.

⁵ Ямсков А.Н. Гастарбайтерство в гагаузских сёлах Бешалма, Кириет-Лунга и Чишмикиой (по данным этнографических и статистических исследований 2005-2007 гг.) // Гастарбайтерство. Факторы адаптации. Сост. Н.А. Дубова. Ред. М.Н. Губогло. – М.: ИЭА РАН, 2008. С. 63-120.

⁶ Ямсков А.Н. Социально-демографические индикаторы состояния сельских сообществ, применимые в социально-этнологической экспертизе (на примере полевых исследований в Абхазии) // Проблемы сохранения, использования и охраны культурного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока: Сборник материалов Всероссийской конференции. Ред. Г.В. Майер. – Томск: Томский государственный университет, 2007. С. 195-200; Ямсков А.Н. Социально-демографические показатели адаптированности сельского населения к постсоветским условиям жизни // Экология древних и традиционных обществ. Доклады конференции. Вып. 3. Отв. ред. Н.П. Матвеева. – Тюмень: изд. «Вектор Бук», 2007. С. 302-305.

проводится, как правило, либо по показателям, отражающим уровень жизни населения, либо по демографическим или медико-демографическим показателям, по которым можно судить уже о качестве жизни. Последнее обычно включает в себя первое, но не сводится к нему.

Уровень жизни сельского населения, как известно, определяется следующими основными параметрами: денежные доходы (и их соотношение со стоимостью жизни), идущая на собственное потребление продукция приусадебного или промыслового хозяйства, денежные накопления и другие имеющиеся материальные ценности (недвижимое и движимое имущество; особое значение имеет обеспеченность жилой площадью и качество последней).

О качестве жизни, а также отчасти и об уровне жизни можно судить по уровню образования и по социально-профессиональной структуре населения. Ранее, на основе опыта полевых работ в Закавказье, Центрально-Чернозёмной России, Южной Сибири и Приуралья, выполнявшихся в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в рамках коллективных исследовательских проектов, мною тоже были предложены детальные методы сбора и анализа сведений о социально-профессиональной и образовательной структуре сельских жителей, их уровне благосостояния (по показателям развития приусадебного хозяйства) и криминализированности (по доле среди трудоспособного населения лиц, находящихся в заключении и вернувшихся из мест лишения свободы в последние 10 лет)⁷.

Однако с позиций экологии человека гораздо больший интерес представляют социально-демографические и медико-демографические показатели, по которым можно прямо судить о качестве жизни населения и происходящих в этой сфере сдвигах. Именно такого рода показатели наиболее полно отражают результаты адаптации отдельных социокультурных групп местного сельского населения к сложившимся условиям жизни. Иначе говоря, это – интегральные индикаторы как условий среды обитания, включая социальные и экономические, а также экологические параметры последней, так и адаптивных возможностей культур указанных сообществ. Очевидно, что управленческими реше-

С. 94

ниями и действиями можно непосредственно и достаточно быстро повлиять только на первый, социально-экономический фактор, в значительной степени определяющий качество жизни населения и, соответственно, его социально-демографические и медико-

⁷ Ямсков А.Н. Методы изучения этносоциальной поляризации // Методы этноэкологической экспертизы. Отв. ред. В.В. Степанов. – М.: ИЭА РАН, 1999. С. 201-214 (*репринт* этой работы см. в издании: Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. Отв. ред. Н.И. Новикова. – М.: Стратегия, 2008. С. 425-436).

демографические характеристики.

С другой стороны, оперативное и результативное воздействие извне на адаптивный потенциал культуры местного населения практически не реально, ибо лишь в условиях длительной десятилетиями последовательной образовательной и воспитательной политики можно частично изменить культурные нормы и поведенческие стереотипы, и то в основном у новых поколений. В этом отношении целью социально-этнологической экспертизы должно быть: (а) выявление здоровьесберегающих и здоровьеразрушающих культурных традиций, (б) объяснение генезиса тех и других и определение факторов, обеспечивающих их сохранение и воспроизводство, (в) разработка долговременных мер по минимизации проявлений разрушающих здоровье культурных традиций и по всемерному стимулированию сохраняющих здоровье норм поведения, а также подготовка рекомендаций по эффективной реализации предлагаемых мер.

Состояние окружающей среды, или экологические параметры условий жизни, также существенно влияющие на качество жизни населения, и они тоже могут быть изменены в лучшую сторону, но это обычно требует очень значительных усилий и довольно большого периода времени, измеряемого многими годами или даже десятилетиями.

Однако повторим, что в управленческой деятельности скорейший и наиболее выраженный социальный и медико-демографический эффект, проявляющийся в течение всего лишь нескольких лет, может дать только воздействие на социально-экономические условия жизни населения. Но для оценки такого рода эффекта как раз и необходимы адекватные количественные показатели.

Используемые демографические и медико-демографические показатели.

Эти показатели наиболее наглядно проявляются, видимо, в контексте обсуждений концепции устойчивого развития. Так, в имеющей с 1996 г. статус федерального закона «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» её авторы, говоря о населении, имеют в виду только следующие «показатели качества жизни»: продолжительность жизни человека, состояние его здоровья, отклонения в состоянии окружающей среды от нормативов, уровень знаний или образовательных навыков, доход (ВВП на душу населения), уровень занятости, степень реализации прав человека⁸. В фундаментальном научном исследовании в дополнение к указанным выше индикаторам и наряду с их детализацией вво-

⁸ См.: Экокультура: в поисках выхода из экологического кризиса: Хрестоматия по курсу охраны окружающей среды. Сост. Н.Н. Марфенин. – М.: МНЭПУ, 1998. С. 271.

дятся лишь миграции населения и состояние общественного сознания⁹. Особое место занимает монография географа А.Ю. Ретеюма¹⁰, в которой оценка соответствия России в целом и ее отдельных регионов модели устойчивого развития проводится по наиболее широкому спектру социальных и демографических критериев. Среди последних этот автор учитывает такие, как младенческая смертность, естественный прирост или убыль, средняя ожидаемая продолжительность жизни мужчин при рождении, коэффициент миграционного прироста или убыли, соотношение коэффициентов брачности и разводимости.

С абстрактно-теоретической точки зрения наилучшими, видимо, критериями благополучия населения являются разного рода показатели, характеризующие состояние популяционного здоровья и физического развития. Но на практике, в особенности на уровне СМИ, в этом случае обычно говорится о масштабах и структуре заболеваемости, а последняя, определяемая по статистике медицинских учреждений, отличается чрезвычайной недостоверностью. Очевидно, что количество заболеваний (эпизодических и хронических), зафиксированных органами здравоохранения и пересчитанных на каждые тысячу (десять тысяч или сто тысяч) человек, зависит не только от количества на данной территории реально больных людей, но и от таких факторов, как (а) количество и доступность для населения медицинских учреждений, (б) квалификация медицинского персонала и качество соответствующего диагностического оборудования, (в) отношение населения к своему здоровью и готовность обращаться в медицинские учреждения в случае заболевания, особенно если оно кажется не очень серьезным, (г) эффект сочетания нескольких заболеваний у лиц с заметно ослабленным здоровьем, (д) возрастная структура населения и доля в нём лиц старших возрастов, и т.д.

Однако обобщенная оценка состояния здоровья всего населения может быть гораздо более точно дана по сведениям о его отдельных возрастно-половых группах. Так, хорошую и достаточно надёжную информацию дают материалы постоянно проводимых медицинских обследований юношей-призывников и женщин-рожениц. Именно по ним можно обоснованно судить об изменениях в состоянии здоровья и физического развития этих групп населения и, следовательно, о реальных изменениях в качестве и условиях жизни людей.

Также здоровье населения, а точнее – явное неблагополучие в этой сфере, в принципе должен был бы хорошо отражать показатель инвалидизации населения, то есть доля в нём инвалидов (по разным категориям). Но опять-таки общий показатель инвалидизации не име-

⁹ Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Экологический вызов и устойчивое развитие. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 299–327.

¹⁰ Ретеюм А.Ю. Мониторинг развития. – М.: Хорион, 2004. 160 с.

ет особого антропоэкологического смысла, так как в возрастных группах старше 75-80 лет определение человека инвалидом зависит в основном от политики местных и вышестоящих руководителей учреждений медицины и социальной помощи, а не от реального состояния здоровья таких очень пожилых людей.

С. 95

Однако очень информативны и весьма надёжны показатели инвалидизации новорожденных, детей и подростков, младших и средних по возрасту когорт трудоспособного населения. Именно по ним можно беспристрастно оценивать общее состояние здоровья населения и направление изменений в условиях его жизни.

Структура причин смертности, также нередко применяемая для оценки условий жизни населения и, косвенно, состояния популяционного здоровья, в современной России может считаться относительно достоверной лишь для средних и больших городов, тогда как в преимущественно сельских районах точность диагностики этих причин зачастую вызывает определённые сомнения. Кстати, очень неблагоприятной характеристикой структуры причин смертности является высокая доля болезней сердечно-сосудистой системы, что свидетельствует о распространённости стресса в самых резко выраженных его формах и, следовательно, общем низком качестве жизни населения.

Собственно демографические индикаторы состояния населения используются гораздо чаще, чем названные выше медико-демографические. Среди них чаще всего встречаются показатели младенческой смертности, средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении, общей рождаемости и общей смертности и соотношение между последними. По сравнению с медико-демографическими показателями, все они отличаются очень высокой точностью, но вот с точки зрения экологии человека их ценность в качестве индикаторов благополучия населения и/или благоприятности условий жизни вызывает серьёзные сомнения.

Наиболее спорным и сложным является вопрос о ценности показателей рождаемости и смертности. Нет сомнения в том, что превышение смертности над рождаемостью означает явную дезадаптацию, или неблагополучие населения. В социально-экономическом и политическом плане главной проблемой при этом является не столько сокращение численности населения, о котором так много и тревожно пишут и говорят СМИ, сколько изменение возрастной структуры, или «постарение». Последнее неминуемо приводит к ухудшению качества трудовых ресурсов и снижению экономической конкурентоспособности общества, подрывает систему пенсионного и медицинского обслуживания, провоцирует импорт рабочей силы

за счёт международных или межрегиональных, то есть как правило иноэтничных миграций, а последние заметно усложняют социально-политическую ситуацию в таких «стареющих» обществах. Но противоположная ситуация, или быстрый рост населения за счёт значительного превышения рождаемости над смертностью, тоже далеко не всегда свидетельствует о подлинном благополучии общества, ведь по целому ряду бесспорных обстоятельств не приходится считать наиболее благополучными в мире условия жизни в странах Тропической Африки, а в России – в горных районах Чечни, Дагестана или Тувы.

Общий показатель смертности населения также крайне малоинформативен, так как он во многом определяется возрастной структурой населения. Поэтому в обществах, переживающих быстрое падение рождаемости и старение населения, этот показатель закономерно растет, что вовсе не свидетельствует об ухудшении состояния популяционного здоровья. Однако для экологии человека очень важны показатели смертности в детском и работоспособном возрастах, которые должны быть минимальными, и их ведущие причины, особенно доля среди них неестественных причин или болезней, отражающих распространённость стрессовых состояний.

Показатель младенческой смертности (в возрастах до 1 года), который в России неспециалисты иногда неточно называют детской смертностью, в антропоэкологическом отношении имеет очень небольшую ценность, так как он говорит не о состоянии самого населения и не об условиях его жизни в самом широком смысле этого слова, а всего лишь о состоянии и доступности для населения соответствующих медицинских служб. Иными словами, этот демографический показатель выражает уровень развития медицинских технологий и некоторые аспекты социально-экономической организации общества, обуславливающей ту или иную степень доступности указанных технологий для основной части населения.

Наконец, наиболее популярный, видимо, показатель средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении (далее - СПЖ), рассчитываемый как средний возраст умерших в соответствующем году, тоже не лишен существенных недостатков с точки зрения его использования для оценки условий жизни населения. Например, если в регионе наблюдаются относительно высокие рождаемость и младенческая смертность, как, например, в Туве, то и показатель СПЖ оказывается пониженным за счёт последней. Поэтому желательно дополнять его показателями СПЖ, рассчитанными для лиц, достигших возраста 15, 30 и 50 лет, и тогда для указанных возрастных когорт разница между Тувой и областями Центральной России, например, будет не столь выраженной, указывая на не слишком существенные различия в условиях жизни.

Предлагаемые новые социально-демографические показатели.

Исходной информацией для их расчёта являются возрастно-половая, или демографическая, пирамида населения и записи в похозяйственных книгах селений о составе домохозяйств. Работники сельских администраций могут, по запросу и на основании развёрнутых инструкций, представить в органы власти требуемые сведения о жителях своих сёл, а данные о возрастно-половой структуре населения имеются также в региональных учреждениях Госкомстата. Для оценки положения в районе или в регионе в целом можно разработать репрезентативную выборку населённых пунктов, а потом собрать и обработать данные только по тем сёлам, которые попали в эту выборку.

Индекс популяционного долгожительства был предложен специалистами в области медико-биологических наук и демографии ещё в середине XX века¹¹. Он также использовался сотрудниками Сектора этноэкологии Института

С. 96

этнографии АН СССР (ныне – ИЭА РАН) для оценки и сопоставления отдельных сельских популяций абхазов с точки зрения развития в них долгожительства¹² в начале – середине 1980-х гг. Этот индекс рассчитывается в промилле и представляет собой отношение численности лиц в возрасте 90 лет и более к численности лиц в возрасте 60 лет и более. Он показывает, какая часть пожилого населения полностью реализовала максимальную продолжительность жизни человека как биологического вида (условно принимаемую за 90 лет), то есть явно отличается успешной адаптацией, достаточно хорошим здоровьем и адекватными для человека условиями жизни. Таким образом, этот индекс имеет ярко выраженное антропоэкологическое значение, но серьёзная проблема с его применением заключается в том, что лишь очень немногие популяции имеют в своём составе заметное количество долгожителей. Для преодоления этого недостатка можно воспользоваться следующими двумя показателями.

Индекс представленности преддолгожительской и долгожительской когорт рассчитывается в промилле и представляет собой отношение численности лиц в возрасте 85 лет и более к численности лиц в возрасте 60 лет и более. Эти расчёты тоже проводились сотруд-

¹¹ Сачук Н.Н. Об уточнении календарного возраста // Процессы естественного и патологического старения. – Л., 1964. Подробнее см.: Большаков В.А., Комарова О.Д. Демография. Анализ демографической ситуации и демографических гипотез долгожительства // Абхазское долгожительство. Отв. ред. В.И. Козлов. – М.: Наука, 1987. С. 40–41, 44.

¹² Абхазское долгожительство. Отв. ред. В.И. Козлов. – М.: Наука, 1987. 295 с.

никами вышеупомянутых экспедиций по изучению абхазского долгожительства с целью определения, какую динамику индекса популяционного долгожительства можно теоретически ожидать в изучаемых селениях в ближайшие годы. Но, рассуждая об аналогии между ним и индексом популяционного долгожительства, можно предположить, что предлагаемый индекс представленности преддолгожительской и долгожительской когорты указывает на то, какая часть жителей старшего возраста приближается к свойственным долгожителям уровням адаптированности, состоянию здоровья и условиям жизни. То есть до определенной степени этот индекс отражает тот же самый комплекс явлений, что и индекс популяционного долгожительства, но только с очень важным уточнением – эти явления выражены далеко не столь отчетливо и убедительно. Естественно, такие расчёты целесообразны во всех тех случаях, когда собственно долгожителей очень мало и сопоставления либо оценки по индексу популяционного долгожительства становятся невозможными или малоинформативными.

Индекс представленности старческой, преддолгожительской и долгожительской когорты рассчитывается в промилле и представляет собой отношение численности лиц в возрасте 80 лет и более к численности лиц в возрасте 60 лет и более. Этот индекс имеет смысл рассчитывать лишь в случае, если в составе населения плохо представлена даже преддолгожительская возрастная когорта жителей (85-89 лет) и оценка по предыдущему индексу представленности преддолгожительской и долгожительской когорты тоже становится невозможной или малоинформативной. Однако можно обоснованно считать, что чем выше значение данного индекса, тем в целом лучше состояние здоровья старшей части сельских жителей и условия их жизни. Но уже сам факт выбора именно этого индекса представленности старческой, преддолгожительской и долгожительской когорты, то есть невозможность использования предыдущего или, тем более, индекса популяционного долгожительства, свидетельствует, что о подлинном благополучии и высоком уровне адаптированности к сложившимся условиям жизни в этой группе населения речь уже не идёт.

Все три индекса отражают условия жизни и адаптивный потенциал культуры соответствующей группы населения на протяжении всей жизни старших поколений. Иными словами, они очень инерционны и потому их имеет смысл использовать при сравнении ситуаций, складывавшихся на данной территории с интервалом не менее чем в 10-15 лет. Таким образом, эти индексы плохо подходят для задач непосредственного управления социально-экономическими процессами и отслеживания последствий отдельных решений в этой сфере. Зато они отлично работают при сопоставлении и оценке сформировавшегося к настоящему времени относительного благополучия сравниваемых групп. Например, каким-то из них

можно воспользоваться, если необходимо корректно сравнить несколько разных территориальных групп населения и выяснить, какая из них находится в объективно лучших условиях жизни, а какая – в худших.

Индекс постарения населения рассчитывается в долях единицы либо в единицах и представляет собой отношение процентной доли домохозяйств, состоящих из одного, двух или более пенсионеров, к доле домохозяйств, включающих полные семьи¹³ в составе обоих супругов трудоспособного возраста и их детей (ребёнка) нетрудоспособного возраста. Гипотетически значения этого индекса могут колебаться от нескольких десятков, сотен или тысяч (если все хозяйства представлены только пенсионерами) до 0 (если все хозяйства включают в свой состав полные семьи). При этом значения индекса менее 1 указывают на то, что на данной территории полных семей больше, чем семей пенсионеров, то есть постарение населения выражено ещё не очень сильно.

Данный индекс постарения населения отражает одновременно несколько важнейших социально-демографических особенностей: уровень рождаемости в последние 15 лет, интенсивность оттока молодёжи и лиц среднего возраста за пределы рассматриваемой территории, сохранность семейных ценностей и крепость семейных устоев. Его также отличает относительно малая инерционность, и заметные изменения возможны уже через 5-10 лет после существенных перемен в условиях жизни.

Индекс развития временных трудовых миграций населения рассчитывается в долях единицы и представляет собой отношение числа домохозяйств с полными семьями, в которых есть временные трудовые мигранты, к общему числу полных домохозяйств. Теоретически его значения могут колебаться от 1 (если во всех полных хозяйствах есть временные трудовые мигранты) до 0 (если все полные хозяйства не имеют их в своём составе).

Этот индекс наиболее ярко и точно отражает степень неудовлетворённости жителей уровнем социально-экономического развития территории проживания, ибо в обычных условиях никто не захочет бросать свою семью и уезжать в другой город, регион или страну на заработки. Использование этого индекса позволяет также не учитывать такие виды миграций, как семейная (к супругу или супруге в иной населённый пункт), урбанизация и отъезд молодё-

С. 97

¹³ Данное понятие «полной семьи» введено автором, его обоснование см.: Ямсков А.Н. Методы изучения этносоциальной поляризации . . . , 1999, с. 208-209.

жи в города на постоянное жительство, выезд на учёбу и т.п. Кроме того, данный индекс быстро меняется, отражая изменения в условиях жизни населения с временным лагом всего в несколько лет максимум.

Однако использование индекса развития временных трудовых миграций населения требует определённой осторожности в выводах и внимательного учёта местной специфики, так как не всегда можно оценивать такие миграции в качестве неблагоприятного явления. Например, в условиях относительного аграрного перенаселения и продолжающегося роста численности сельского населения такие миграции – скорее благо, ибо они снижают социальную напряжённость, повышают уровень жизни населения и, главное, зачастую служат первым шагом на пути к урбанизации и окончательному переселению части сельчан в город.

Ещё одна сложность с применением этого индекса состоит в том, что, несмотря на правила ведения похозяйственных книг и наличие соответствующих граф, далеко не всегда в них фиксируются временные трудовые миграции. Но, как показал опыт работ в одном из селений Гагаузии¹⁴, в таком случае работники сельской администрации могут сами просмотреть все похозяйственные книги и, глядя на записи о хозяйстве и составе каждой семьи знакомых им лично односельчан, вспомнить о том, есть ли в этой семье трудовые мигранты и куда именно они ездят на заработки. Разумеется, для этого требуется, чтобы эти сотрудники имели очень большой опыт работы в сельской администрации и лично хорошо знали всех своих односельчан, а само селение было небольшим или средним по своим размерам.

Видимо, в постсоветских условиях в сельской местности уровень социо-культурной модернизации населения, которая в современном мире теснейшим образом связана с урбанизацией, прямо пропорционален значениям индекса постарения населения, отражающего отъезд жителей из села, и тесно коррелирует со значением индекса развития временных трудовых миграций. Уровень адаптированности населения к условиям жизни на селе прямо пропорционален значениям индекса популяционного долгожительства; индекса представленности преддолгожительской и долгожительской когорт; индекса представленности старческой, преддолгожительской и долгожительской когорт; он также обратно пропорционален значениям индекса постарения населения и индекса развития временных трудовых миграций.

* * *

В заключение хочется подчеркнуть, что предложен ряд количественных социально-демографических показателей и индексов, рассчитываемых весьма простым способом и основанных на имеющейся в местных органах власти демографической статистике либо на ин-

¹⁴ Ямсков А.Н. Гастарбайтерство в гагаузских сёлах . . . , 2008, с. 74-75.

формации, которую несложно получить при анализе похозяйственных книг сельских поселений. Эти новые индексы могут быть весьма эффективны при оценке последствий управленческих действий как на уровне отдельных сельских населённых пунктов, так и, при условии сбора и перерасчёта соответствующих первичных статистических сведений по выборке из репрезентативно отобранных сельских администраций, для сельского населения отдельных районов или регионов в целом. Что касается предлагаемого индекса представленности старческой, преддолгожительской и долгожительской когорт (доля лиц в возрасте 80 лет и старше среди населения от 60 лет и старше), то он может применяться для оценки состояния любой территориальной группы населения, от села до региона или страны.

Главное отличие и ценность всех этих количественных индикаторов заключается в том, что они отражают фундаментальные аспекты (дез)адаптации населения к сложившимся условиям жизни. Следовательно, по их динамике можно обоснованно судить о направленности этих изменений, то есть в том числе и о качестве принимавшихся управленческих решений, вызвавших трансформацию условий жизни населения в недавнем или относительно давнем (на протяжении жизни нынешних старших поколений) прошлом.

С. 98